

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ГРАММАТИКА И ПЕРЕВОД

РУЗАН ГРДЗЕЛЯН

**Именно языку надлежит одновременно
и устанавливать пределы, и преступать их.**

Жиль Делёз

Известная формула Мартина Хайдеггера «язык – дом бытия» не только дает возможность философски осмыслить феномен языка, но также образно представить его место и роль в жизни человека. Человек пребывает в языке, живет в этом «доме», «экзистировать» в нем и именно через язык и благодаря языку воспринимает окружающий его мир. Таким образом, ментально-языковое пространство этноса есть его «дом», построенный из ему одному свойственных структурных и ментальных «блоков», наполненный ему одному свойственными структурно-языковыми, лингвокультурными и этнокультурными «предметами».

Перед исследователями языка – лингвистами-теоретиками, типологами, лингвокультурологами, специалистами по теории перевода – неизменно стоит сложнейший для описания и осмысления объект, рассматривать который необходимо каждый раз в новой «системе координат». Одним из ракурсов описания языка является его рассмотрение сквозь призму другого языка, в зеркале иной языковой картины мира. В результате такого рассмотрения может быть создана своего рода «зеркальная» грамматика, в которой каждый из описываемых языков смотрится в другой, как в зеркало. Такая грамматика была названа чешским лингвистом Николаем Савицким *переводной грамматикой*¹. Она «предполагает много общего с двуязычным переводным словарем, разница между ними в типе сопоставляемых элементов: в словаре это слова, в переводной грамматике – морфологические категории и синтаксические конструкции»².

Одним из традиционных способов описания языка издревле является грамматика. Грамматика в более широком смысле – это наука о том, как думают люди. С этой точки зрения правомерны вопросы типа «Как ска-

---

¹ Савицкий Н.П. К методологии сопоставительных грамматик // *Ceskoslovenska rusistika*, 1974, № 4.

² Тер-Аракелян Р.А. Лекции по переводной грамматике. Пособие. Ер., Макмиллан-Армения, 2006, с. 5.

смысловые нюансы, которые привносит в высказывание «редуцированный» субъект. Однако в отдельных случаях аналогичные смысловые нюансы передает посессивный артикль, ср., *Мне холодно – Եւ իրանիս եւ – Միտքիս ինչ է ընկել;* *Мне жарко – Եւ շոգանիս եւ – Շոգը իրանիս է տվել;* *Мне хочется спать – Ընկնիս քնանիս է* (букв.: Мой сон уносит (меня) – сама идиоматичная конструкция также подчеркивает неактивность субъекта).

Очевидно, что одним из насущных и необходимых вопросов как теоретического, так и прикладного языкознания является создание двуязычных переводных грамматик, ориентированных, в первую очередь, на успешную переводческую деятельность, а также на всеобъемлющее сопоставление и описание исследуемых языков. Однако прежде всего необходимо определить границы подобной грамматики, уточнить ее цели и задачи, то есть найти место переводной грамматики в кругу других типов грамматического описания, разграничить сферы их влияния, а также попытаться узреть и осмыслить подчас тонкую грань, разделяющую «сухую» грамматику и искусство перевода.

Переводная грамматика VS сопоставительная грамматика. Первая проблема, которая с неизбежностью возникает при подобной постановке вопроса, это проблема разграничения двух, на первый взгляд, идентичных типов грамматического описания. И в самом деле, когда сопоставляются два языка, не значит ли это, что одновременно и неизбежно создается двуязычная грамматика, обслуживающая нужды переводчика? Между тем исходной целью сопоставления двух языков является выявление сходств и различий между их грамматическими системами, что не всегда помогает переводчику выбрать адекватную конструкцию. Сопоставительная грамматика – это область теоретических размышлений. Поиск установления соответствий между двумя языками не является целью подобного грамматического описания.

Так, в русском языке есть ряд синтаксических конструкций с дательным падежом, не имеющих аналогов в армянском языке. Это, прежде всего, дательный при безличном посессиве (*Мне не спится*), конструкции с внешним посессором (*Соринка попала мне в глаз*), дательный возраста (*Девочке десять лет*), дательный выгоды (*Мать купила дочери платье*), дательный экспрессивный (*Я тебе не прислуга у плиты стоять*)³. Сопоставительная грамматика фиксирует подобное различие, сравнивает употребление дательного падежа в обоих языках, стремится описать семантические и синтаксические особенности исследуемых конструкций, но при этом может не приводить соответствий. Переводная же грамматика, учитывая данные сопоставительного описания, стремится найти во втором языке соответствующие конструкции, по возможности точно и адекватно передающие смысло-

---

³ Дательный падеж (Г.И. Кустова, 2012). Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

вые и прагмалингвистические нюансы исходного языка.

Таким образом, *сопоставительная грамматика – это грамматика сходств и различий. Переводная грамматика – это грамматика соответствий.*

Переводная грамматика VS теоретическая грамматика. Создать грамматику языка в строгом понимании – значит выявить его формы и описать правила их функционирования. При этом теоретическая грамматика направлена на имманентное описание. Она стремится описать язык «в себе самом и для себя самого»⁴ и в итоге определить закрытое множество форм, присущих данному языку на определенном отрезке времени, а также все возможные правила функционирования, то есть объединения, изменения, координации форм. Таким образом, *теоретическая грамматика – это грамматика форм и правил.*

Должна ли переводная грамматика учитывать грамматические формы обоих языков? Безусловно, приоритет в этом случае не может быть отдан форме, однако и игнорировать ее не следует, поскольку в форме также может быть заключена некоторая специфическая, этнокультурная информация. Именно форма иногда передает особенности способа мышления данного народа. Это в большой степени касается, например, частиц, многие из которых, наряду с прочими грамматическими и семантическими характеристиками, наделены специфической акцентно-просодической функциональной нагрузкой, придающей высказыванию этнокультурную окраску, которая при переводе может ощутимо деформировать смысловую организацию высказывания языка-оригинала. Так, русская усилительно-ограничительная частица *–то* является носителем эмфатического значения, связанного с акцентным выделением и этноспецифической просодией, что чаще всего делает недопустимым ее использование при переводе на русский язык. Так, в одном из американских романов героиня по имени Санча, стоя на фоне венецианских палаццо и каналов, в ответ на вопрос собеседника «Ты же слышала про них (про подземелья палаццо – Р.Г.), наверно-е?» произносит вполне безобидную фразу: «А что? Что случилось-то?». Однако это «случилось-то» превращает героиню-европейку по имени Санча в русскую девушку, находящуюся, возможно, где-то недалеко от Фонтанки или какой-нибудь помещицкой усадьбы.

Переводная грамматика VS функциональная грамматика. Теоретическая грамматика стремится ответить на вопросы *Что?* и *Как?*, то есть она описывает формы, при помощи которых говорящий строит предложения и тексты, а также правила, которыми он в этом случае пользуется. Функциональная же грамматика призвана ответить на вопросы *Что? Для чего? Почему? Зачем?*, то есть она описывает грамматические средства, которые можно использовать для передачи того или иного значения в той

---

⁴ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики - <https://studfiles.net/preview/1664809/>

или иной ситуации. Функциональная грамматика ориентирована не на имманентное описание языка, а на выявление всех тех его грамматических особенностей, которые направлены на осуществление коммуникативной функции. Таким образом, *функциональная грамматика – это грамматика реализаций, грамматика употреблений*.

Коммуникативная направленность функциональной грамматики позволяет выявить не только общекатегориальное значение той или иной грамматической формы, но и более узкие, частные значения, а также важные для контекста смысловые нюансы, то есть функциональный и прагматический потенциал языковой единицы. Таким образом, она описывает грамматические формы с точки зрения целесообразности и уместности их употребления в том или ином контексте, в той или иной ситуации общения. Еще одна важная особенность подобного типа описания – это его ономаσιологическая направленность, направленность от содержания к форме, что позволяет выявить и объединить в один класс или в одну группу по возможности все языковые средства, обслуживающие то или иное функционально-грамматическое и функционально-семантическое поле.

Описание языковых средств с точки зрения их функционально-грамматической нагрузки является ценным материалом для создания переводной грамматики. Так, русские номинативные предложения с формально-грамматической точки зрения являются однотипными: их предикативная основа – это субстантив в форме именительного падежа. Глагольный компонент данной конструкции в настоящем времени, как известно, элиминирован. Однако с функционально-семантической точки зрения такие предложения неоднородны: их смысловая интерпретация часто зависит от контекста⁵, ср.: (1) *Ночь. Мы разбили палатку у реки;* (2) *Ночь! Как ярко светят звезды!* Предложение (1) является собственно бытийным и выражает **наличие** данного явления, передает идею существования «ночи» здесь и сейчас. Предложение (2) является оценочно-бытийным и выражает **восхищение**, указывает на наличие наблюдателя и переживаемых им эмоций. Таким образом, первое предложение утверждает наличие явления, второе же предложение утверждает наличие связанных с ним эмоций. Ср. также: (3) *Ночь, тишина, все спят, и только в этой комнате какой-то недобрый, колючий старик поёт за стеной...* (Ю. Домбровский); (4) — *Ночь-то, ночь-то какая! — воскликнул он совершенно иным тоном, мягким и лирическим* (Ю. Домбровский)⁶.

Как выражаются эти смысловые различия в армянском – так же, как и в русском, имплицитно, или формально-грамматически – эксплицитно? В отличие от русского языка, в армянском языке есть две номинативные конст-

---

⁵ Валгина Н. С. Синтаксис совр. русского языка - <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook089/01/part-025.htm>

⁶ Здесь и далее используются данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) – <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>

рукции – конструкция с наличием глагольного компонента (Գիշեր է) и конструкция без глагольного компонента (Գիշեր). Первая конструкция является собственно бытийной и передает идею наличия, присутствия, констатации, ср.: (5) Գիշեր է: Գլուխսկիւն տակ անշուք ցլուխսկիւնը բացվում է արտաքին, որ իջնում է դեպի ձորը (Գ. Դեմիրճյան)⁷. Здесь не может быть двоякого прочтения: глагольный компонент «է» как бы уже сам по себе является знаком «наличия», «рационального начала», «констатации факта». Во второй конструкции, в которой отсутствует глагольный компонент, превалирует эмоциональное начало, ср.: (6) Սև գիշեր, և հուշեր և խոհեր անհամար, / Մոռցիս՝ երգիչներ՝ շուրջներ թռչանում... (Վ. Տերյան).

Таким образом, в данном случае мы наблюдаем асимметрию языковых средств и можем сформулировать правило перевода номинативной конструкции, а также описать фрагмент русско-армянской (армянско-русской) переводной грамматики. Ведь «о том, какого рода объектом является нечто, дает знать грамматика»⁸. Но всегда ли такое правило можно применить? Безусловно, когда речь идет о переводе, наряду с общей закономерностью, переводчик может столкнуться в реальных текстах с различными отклонениями и вынужден в подобных случаях принимать нестандартные решения. Так, текст стихотворения О.Молоткова, состоящий исключительно из номинативных предложений и, на первый взгляд, построенный крайне просто, на самом деле сложен для перевода. Ср.:

*Мама. Сказка. Каша. Кошка.
Книжка. Яркая обложка.
Буратино. Карabas.
Ранец. Школа. Первый класс.
Грязь в тетради. Тройка. Двойка.
Папа. Крик. Головомойка.
Пушкин. Дарвин. Кромвель. Ом.
Гоголь и Наполеон.
Менделеев. Герострат.
Бал прощальный. Аттестат.*

В чем же сложность этого «простого» текста? Во-первых, это текст, интонационно, ритмически приближенный к рубленой прозе, столь характерной для современного русского языка в целом и современной русской прозы в частности. Особая ритмика коротких фраз русскоговорящим чаще всего воспринимается положительно. Так ли это в случае армянского языка? Возможно ли добиться такого эффекта в армянском переводе?

Во-вторых, это функционально-семантический характер данных номи-

⁷ Здесь и далее используются данные Восточноармянского национального корпуса (ВАНК) – http://www.eanc.net/EANC/search/?interface_language=ru

⁸ Л. Витгенштейн. Философские исследования, в его кн. «Философские работы», М., Гнозис, 1994, ч. 1, с. 200.

нативных конструкций. Какой смысл они несут в себе? Утверждают ли они исключительно бытие предмета? Нет. Передают ли они эмоции автора? Нет. Скорее они называют и перечисляют события жизни, то есть выполняют собственно номинативную функцию. Тогда при помощи какой армянской конструкции перевести данные предложения? На наш взгляд, сложность перевода заключается в указанной нами языковой асимметрии. Формально-грамматическая однородность русского предложения позволяет развиваться семантической диффузности, в случае чего вся нагрузка по декодированию смысла лежит на интерпретаторе текста. В армянском языке семантические различия закреплены за отдельными синтаксическими конструкциями, вследствие чего они тяготеют к семантической однозначности, четкости, что ограничивает возможности интерпретатора текста. И вот здесь на первый план выходит мастерство переводчика, владеющего не только техникой перевода, но и искусством комментатора и интерпретатора.

Переводная грамматика VS этноспецифическая грамматика. На наш взгляд, на основе сопоставительных исследований должна быть создана грамматика, выявляющая и описывающая те грамматические средства, которые по различным причинам являются предпочтительными для данного языка, для данной лингвокультуры и которые, следовательно, тесно связаны с языковой картиной мира, а возможно, и с концептосферой. Так, грамматическая система двух индоевропейских языков – русского и армянского – обладает приблизительно сходным арсеналом нейтральных (не этноспецифических!) грамматических средств. Следовательно, на этих языках со структурно-грамматической точки зрения возможно создать идентичные тексты. Но при этом, по всей видимости, из этого арсенала каждый из языков выбирает, предпочитает и использует не одни и те же средства. Таким образом, переводная грамматика может установить идентичные грамматические формы, но она не может объяснить причину, по которой, например, при описании одной и той же ситуации оказываются предпочтительными различные грамматические средства. Это прерогатива «этноспецифической грамматики», которой еще предстоит состояться как новому типу грамматического описания. *Этноспецифическая грамматика – это грамматика предпочтений.*

Так, в наших исследованиях мы постоянно обращаемся к слову «солнце» в русском и армянском языках. Нас интересуют его языковые и дискурсивные свойства, связанные с восприятием этносом этого уникального природного объекта – в контексте культуры и лингвокультуры. Анализируя массив «солнечных» текстов, мы столкнулись с рядом особенностей словоупотребления данного концепта, связанных с грамматическими «предпочтениями». В армянском языке слово *արև* [arev] ‘солнце’ чаще всего встречается в бытийных предложениях – предложениях, утверждающих бытие, наличие солнца в окружающей человека действительности.

При этом слово [arev] редко наделяется определениями, его вроде нет нужды описывать, оно как бы самодостаточно. Ведь [arev] для армянина – это прежде всего среда обитания, а не наблюдаемый природный объект, армянин живет как бы «окутанный солнцем», солнце в нем и вокруг него, солнце для него в некотором смысле неотчуждаемая принадлежность, а не отстраненный объект. Возможно, именно этим обусловлены грамматические предпочтения «говорящего по-армянски» – более частый выбор бытийного предложения и относительно редкое употребление определений при слове «солнце». Ср.:

- (1) «Հիմա Երևանում դեռ տաք աշուն է, արև, — մտածեց Արախյանը: Ժ. Ավետիսյան;
- (2) Դրում մղղղափած աշուն էր, արև կար: Ս. Ալաջաշյան;
- (3) Առախոտ է, արև, գարուն... Վ. Հարությունյան, Ն. Սելիքյան;
- (4) Դրում արև է, մայր իմ... Ս. Իսանգալյան;
- (5) Գիտի որ հնձածր անձրևներից փտերու է, բայց քսիկ որ արի րուպերն արև է, խոտր հնձերու է՝ պիտի հնձի: Հր. Մաթևոսյան:

Русский корпус текстов дает несколько иную картину. В русском дискурсе преобладают тексты, где солнце описывается, наделяется различными характеристиками – цветовыми, временными, параметрическими, а также иными индивидуально-авторскими. В русских «солнечных» текстах преобладают предложения, в которых солнце выступает активным субъектом или объектом. Ср.:

- (1) *Солнце, как опрокинутая золотая миска, уже высунулось из океана.* А. Дорофеев;
- (2) *Ницца— рай, солнце, как масло, ложится на всем...* В. Крейд;
- (3) *Потом розовое солнце поднялось из белых снегов.* Б. Екимов;
- (4) *Так, долгожданное солнце в ненастный день на мгновение выгладывает из туч, но тут же скрывается, вновь окутанное серой дымкой.* А. Герасимов;
- (5) *Солнце палило в полную силу прямо в окно...* Л. Улицкая.

Таким образом, при переводе данные этноспецифической грамматики позволяют выбрать более правильную конструкцию, способную в отдельных случаях имплицитно передать тонкие, едва уловимые нюансы текста оригинала. В идеале данные переводной грамматики должны быть скорректированы данными этноспецифической грамматики.

Переводная грамматика VS искусство перевода. Грамматика есть научное описание языковой формы, заключенного в ней значения, механизмов ее функционирования и правил употребления. Переводная же грамматика есть научное описание *соответствий* грамматических форм двух языков. Нужна ли такая грамматика переводчику-практику? Безусловно. Наличие созданного лингвистами «банка грамматических соответствий» чрезвычайно важно для квалифицированного перевода любого типа – бытового, научного, технического, делового. Нужна ли такая грам-

матика переводчику-писателю, переводчику-поэту? Наверное, тоже нужна, поскольку систематизированное знание грамматических соответствий позволяет создать некий виртуальный текст-основу, своего рода качественную «грунтовку» для будущего живописного полотна.

Но уместно также будет вспомнить известное изречение древнегреческого философа Секста Эмпирика: «Мы не нуждаемся в грамматике, для того чтобы чисто говорить по-гречески»⁹. Здесь мы сталкиваемся с извечной проблемой: можно ли узреть грань между природой, естеством и осознанным знанием, между наукой и искусством, между технологией, профессиональными навыками и мастерством, между ошибкой истинной и ошибкой осознанной, между бездарностью, безвкусицей и утонченной «неправильностью»? Однако и в контексте этих проблем непреложным остается одно: сначала форма, правило, языковая возможность и только потом – «игра» с ними. Об этом размышляют и сами писатели: «Каждый английский поэт должен овладеть правилами грамматики, прежде чем пытаться изменить или нарушить их» (Р. Грейвз)¹⁰. Художник не может творить «по правилам» даже если он интуитивно следует им: «Без грамматической ошибки / Я русской речи не люблю»¹¹ (А.С. Пушкин); «Я не анатом русского языка, я только любовник русской речи...»¹² (К. Бальмонт).

Так же и переводчик художественного текста не может следовать исключительно правилам грамматики, выбирать только точное грамматическое соответствие, поскольку его цель – не передать информацию, а создать по мере возможности равноценный оригиналу художественный текст: «Буквальные переводы с русского невозможны. Тут вы должны переводить не слово – словом и не фразу – фразой, а юмор – юмором, любовь – любовью, горе – горем...»¹³ (С. Довлатов). Казалось бы, подобные суждения выводят переводчика на единственно верный путь – забыв про язык, его грамматику и словарь, следовать художественной идее, замыслу оригинала и, наконец, собственному творческому вдохновению. Но в этом случае переводчик рискует получить, пусть и отличный, но некий самостоятельный, независимый от оригинала текст – текст, лишенный «иноязычного акцента», очарования, таинства некоей чужеродности, чего-то неизведанного. Ведь «один из труднейших аспектов работы переводчика – это умение найти баланс между правильностью и красотой перевода»¹⁴ (А. Седяров). И здесь вновь на авансцену выходит язык, его словарь и грамматика, проблема правильного выбора слова, конструкции, фразы, такого выбора, который бы передавал не только идею, но и «иноязычный акцент», «легкое касание иного». Думается, язык переводного художествен-

⁹ Секст Эмпирик – Цитаты - <https://tsitaty.com>

¹⁰ Цитаты - <https://tsitaty.com/>

¹¹ А. С. Пушкин. «Евгений Онегин». // СС в 10 т. Т. 4. М., 1975, с. 58.

¹² К.Д. Бальмонт. Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма. М., 1992, с. 349.

¹³ Quotesbox.org - <http://ru.quotesbox.org/quotes/986056/>

¹⁴ «Афоризмы о переводах и переводчиках», <http://www.translator4you.com/russian/aphorisms.php>

ного текста не должен быть стерильным, он должен быть «слегка неправильным», «слегка чужим». Этого можно достичь, владея именно языковым мастерством, а не каким-либо иным. В конечном итоге, мастерство, как тонко отметил Вс. Мейерхольд, «это когда «что» и «как» приходят одновременно»¹⁵.

Ключевые слова: *грамматика, перевод, переводная грамматика, теоретическая грамматика, функциональная грамматика, искусство перевода*

ՌՈՒԶԱՆ ԳՐԶԵԼՅԱՆ – Քերականություն և թարգմանություն. – Հոդվածը նվիրված է քերականության և թարգմանության հարաբերակցության ուսումնասիրությանը: Լեզվագիտության շրջանակներում լեզուն կարող է դիտարկվել տարբեր տեսական և գործառնության քերականության տեսանկյունից, մեկ այլ լեզվի զուգադրությամբ և այլն: Սույն ուսումնասիրությունը փորձ է ճշգրտելու թարգմանական քերականության սահմաններն ու գործառնությունը:

Բանալի բառեր – *քերականություն, թարգմանություն, թարգմանական քերականություն, տեսական քերականություն, գործառնության քերականություն, թարգմանական արվեստ*

ROUZAN GRDZELYAN – Grammar and Translation. – The article is devoted to the problem of the correlation between grammar and translation. Within the framework of linguistics, the language can be viewed from different points of view - from the point of view of theoretical, comparative and functional grammars, etc. The purpose of this study is to determine the boundaries and functions of transferable grammar.

Key words: *grammar, translation, translation grammar, theoretical grammar, functional grammar, the art of translation*

---

¹⁵ Ермишин О. Афоризмы - <https://info.wikireading.ru/102555>